

Пятилетняя соседка

«Самое матерное слово» я лет десять назад услышал от пятилетней соседки по подъезду дома на окраине Москвы и даже остановился от неожиданности, подумал не спеша: «Какой мощный сдвиг по фазе происходит с русскоязычным человечеством!» Стоять истуканом между подъездом и детской площадкой на виду у дисциплинированных и всегда очень трезвых старушек у нас не принято. Не поймут, пьяным обзовут, хотя был я точно такой же, как и старушки, трезвый. Меня это слово смутило, напомнив разговоры и споры последних лет о «матерной словесности» во всех сферах нашей жизни. Да ладно бы в сферах. А то ведь и в литературную строку, якобы очень высокохудожественную, моду взяли словечки эти вставлять и радоваться, гордиться, да на сценах, да на экранах матерком баловаться. Оно, конечно, чем бы дитя не тешилось, лишь бы не мешало. Но соседка-кроха придумало такое гениальное слово матерное, которое не снилось ни одному современному писателю, драматургу, артисту, политику и даже урке...

Я, однако, взял себя в руки и, стараясь держаться строго, вошел в подъезд, весь вечер вспоминая первого своего учителя «матерной словесности», Владимира Н.

Мне, как и многим моим друзьям, было пять лет, когда мы познакомились с ним, десятилетним. Не могу сказать, знал ли он мнение великого классика о том, что начинать изучение иностранного языка лучше всего с матерных слов и выражений, но русский, родной свой язык Вовка Н. осваивал по этому способу, опасному в наши годы, то есть в середине пятидесятых.

На веранде

Мы сидели на периллах недостроенных детских яслей подмосковного поселка и слушали песню, волнующую сердце любого существа мужского пола: «Я пошла на речку, за мной следил бандит. Я стала раздеваться, а он мне говорит...» Дети пятидесятых годов помнят, что сказал бандит, и что ответила купальщица, и как они провели тот напряженный день. Я лично до сих пор помню те простые, броские, накрепко врезающиеся в память русские слова, матерные.

После блатного концерта десятилетнего Вовки, сына дважды урки, мы отправились на речку, собирая на ходу окурки «Памира», «Огонька», «Севера», неумело попыхивая дымом и робко выдавливая из себя слова и выражения, типа «моп твою ять».

Через несколько дней на собранную по стройкам стеклотару мы купили бутылку «Столичной», пачку «Севера» и буханку черного, оприходовали все это на той же веранде ... и какой концерт дал а ля капелла Вовка, как обогатился наш словарный запас и знания жизни – тоже!

Дело Владимира Н.

Дети двадцать первого века понятия не имеют, матерясь на каждом ходу, читая родные, но матерные слова на страницах дешевых изданий, как трудно было нам (я уж не говорю о наших старших братьях, отцах и дедах) сохранить в памяти родную матерную речь! Романы-эпопеи можно писать о таких подвижниках, каким был Вовка. Его исключали из пионеров, не принимали в комсомол, чуть не выгнали из седьмого класса. Учителя и участковый его за человека не считали. А он гордо и смело шел по жизни, сопротивляясь культам всех, окружавших его личностей.

Из восьмого класса он, второгодник, попал на зону. И там времени даром не терял. Вернувшись через год на родину, урка, сын теперь уже трижды урки, такое нам сбацал под отцовскую семиструнку, что даже я, пятиклассник-троечник, был покорен смысловой полифоничностью, изысканной детализировкой и философичной всеохватностью его мата. А Вовка, теперь уже Володька, стал немного ботать по фене, что приводило нас в неопикуемый трепет. В этой языковой системе зеков чудилось нам нечто магическое, волнующее, почти как неопознанная женщина волнующее.

Не успели мы наблатыкаться в компании доброго учителя, как он, понимая, что учительствовать по-настоящему можно только постоянно повышая профессиональный уровень, вновь отправился к хозяину. Володька делал свое дело честно, и его упорный

труд давал первые обнадеживающие результаты: в колонии и тюрьмы, в Урлаг, отправились мои первые сверстники.

Не могу сказать, что зона дала им также много, как и Володьке. Тут ведь нужен талант, призвание, упорный труд. Осознавая это или нет, приверженцы Володькиной науки решили, как говорится, взять валом. В начале семидесятых они чуть ли не строем пошли в тюрьмы. Вал результата не дал. Скорее наоборот. Все реже на поселке звучало добротное (я уж не говорю – талантливое) матерное слово, и в те же годы в сибирском городке У. мне преподнесли прекрасный урок по курсу матерной словесности.

Сибирская учеба

Я был бригадиром квартирьеров стройотряда, готовил объекты для основного состава. Погода стояла курортная. Моих подчиненных по вечерам тянуло в сопки по тем же делам, о которых пел Вовка в первой своей песне. По утрам студенты, чем-то напоминавшие сухофрукт в пыли, с трудом ворочали лопатами, пошатываясь под хакасским солнцем. А я бегал по городку, решая оргвопросы и слушая всюду мат-перемат.

С точки зрения стилистических особенностей, лексического многообразия, философической новизны и душевного надрыва мат местных жителей не представлял интереса для любителей, ценителей и филологов. Но говорили здесь на этом языке все. Я часто видел сцены, которые могли бы ублажить душу моего земляка, Володьки. Скажем, идут по пыльной дороге деловые две женщины, мать и дочь, между ними шагает пятилетний мальчуган, грызет молчаливо семечки и внимательно слушает, о чем судачат взрослые. А те говорят о капусте, картошке, огурцах, помидорах, мужьях – как и все хозяйки на белом свете. Тема для грызуна семечек не интересная. Но слова какие! То три буквы, то пять, то вперемежку с огурцами и помидорами, а то друг за другом кряду штук по десять, да на одном дыхании, да с бабьим, теплым чувством или с неподдельной грустью и вновь три буквы, пять, опять – пять с каким-нибудь довеском и рукой эдак по-свойски по юбке сатинов шлепнет, пот со лба смахнет от усталости и опять за свое – за буквы и помидоры. А мальчонка семечки грызет, впитывая Володькину науку со словом матери.

Не известно, как отнесся бы ко всеобщей матюгализации У. жилпосёловский ас, но у

меня дела там не пошли. Молодой был. Не опытный. Только-только стал налаживать контакт с мастером, непосредственным нашим начальником, местной бабенкой красивого возраста (это было одно из самых важных моих заданий), как произошла у меня обидная осечка.

Однажды пробежал я мимо нашего объекта на лесокомбинате, смотрю, сидят мои сокурсники на скамеечке в окружении местных работников и точат ляды. «Ребята, - говорю, - работать надо». «Сейчас докурим», - слышу в ответ и набегу улыбаюсь мастеру. Через полчаса – тот же расклад. Еще через двадцать минут – опять та же картина! Вспомнил я слова мастера о том, что мои не очень хорошо работают, что гонять их надо, вспомнил, как гоняет она своих бездельников: о, это не три буквы и не пять, это какой-то матернокалиберный пулемет с изумительной скорострельностью и нескончаемым магазином. Глянул я злобно на часы и, заочно поблагодарив Володьку за науку, обложил двухэтажным подмосковным матом, отборным, своих друзей.

Кричал я несколько минут. Ни разу не повторился. Сначала радовался, думал, что этот ход поможет мне окончательно сблизиться и с мастером, и с другими нужными людьми. Но еще матерный экстаз не добрался до апофеоза, как почуял я не ладное в окружающей среде. Мои подчиненные понурили головы, и это мне нравилось, но все местные упрямо смотрели на меня, и в их глазах было странное какое-то чувство, в котором смешались удивление и настороженность, разочарование и отторжение, гордость и непокоренное никем сибирское «Однако», перемешанное четырехсотлетним миксером истории с восточно-европейским «не замай». Я сник, грубо вытолкнул: «Сачки!» и ушел.

С однокурсниками поладил в тот же вечер. Свои люди, лабы вместе делали, по пивбарам бегали... Но с мастером отношения испортились напрочь. Она избегала меня, будто я, не милый, хотел сделать ей предложение. Помирил меня с ней мой друг через пару недель, когда нагрязнул в У. весь отряд. Друг-то мой был в этом деле талантлив и удачлив. На людях он не матерился, быстро нашел контакт с мастером, и вскоре мы с пачкой нарядов, двумя банками растворимого, дефицитного в те времена, кофе оказались у нее в гостях. В бывалой пятистенке. Встретила она нас на ять, то есть очень хорошо даже по сибирским меркам. А когда мы самогоночки пшеничной хряпнули по пять стопочек, когда прочно перешли на «ты», я и спросил ее: «Почему ты разозлилась на меня?» Она с неподдельным удивлением вспыхнула: «А что ты материшься, как пьяный сапожник?!» Я тоже честно удивился: «Так вы все материтесь!» Но она меня сурово перебила: «То мы – а то вы! Вы из Москвы приехали, в институте учитесь, - и мечтательно вздохнула, - давайте выпьем за Москву, а потом споем!» Ей и ее младшей сестре очень нравилась песня «Нас извлекут из-под обломков...» Их дядя-танкист погиб под Москвой, а отец, начав с Курска, последнее ранение получил в Берлине, успел

родить двух дочерей, но большего сделать не смог, умер семь лет спустя после Победы. А еще сестры любили «Подмосковные вечера». Бардов, правда, они не знали почему-то.

Барды и Володька Н.

Советские барды попортили много крови нашему Володьке. В середине шестидесятых он стал быстро терять авторитет среди тех, кто пел в ночных беседках Окуджаву, Визбора, Высоцкого, а в семидесятых и вовсе перестал показываться в наших беседках. И вдруг пропал надолго. По крупному залетел. В зековскую докторантуру.

Появился он на поселке в восемьдесят пятом и на все лето прилип к доминошному столу. К тому времени форму он не потерял и, распалившись иной раз, выдавал такую матерную вису, что даже моя супруга, которую коробит от одной лишь буквы не то, что от трех или пяти, удивленно качала головой: «Да он у вас поэт!» Я гордо ухмылялся: «Он и не так может», - но не решался цитировать произведения матерной словесности выдающегося земляка.

Мавр сделал свое дело?

Но вот история государства Российского забрела в последнее десятилетие двадцатого века, и Володька стал увядать на глазах, а вскоре обычная болезнь подмосковных доминошников, цирроз печени, уложила его в гроб.

Умер он как раз в то время, когда родное его матерное слово наконец-то стало пробивать дорогу в большую жизнь, в искусство, в политику, в печать. Конечно, радоваться рано. Во-первых, прорываются в большую жизнь лишь самые блеклые, серые слова, да и тех побаиваются трусливые люди, часто заменяя их в текстах многоточиями, позорными для любого творца. Во-вторых, наиболее талантливые авторы матерной словесности покинули доминошные столы и тюрьмы, сели в иномарки, забыли (и

надолго, вот что плохо!) о главном своем предназначении, и вряд ли им по собственной воле захочется изменить стиль жизни и жизненные приоритеты. В третьих, почему-то не сработал закон перехода количественных изменений в качественные: громадное число зеков 60-80-х годов не породило гения матерного русского слова. Впрочем, и расплодившиеся в то же время барды не выдали своего гения. Ну, уж это так, к слову. Главное не в этом.

Народ и мат – едины?

Главное в том, что бурные события Порубежного нашего времени не уничтожили так называемое простонародье, на вид серое, упрямое, в упрямости своей бестолковое. Но это только на вид, и на слух, и на вкус, испорченный тепличным воспитанием. На самом деле оно совсем не серое, не бестолковое, хотя и очень упрямое.

Российский народ, как и любой другой крепкий народ, по натуре конфуцианец. Он точно знает, что народу – народово, а людям высоким – высокое. Он ни за какие коврижки не пропустит не только тех, кто околдованный грязными матерными звуками, искренно пытается дать им дорогу в Искусство, но и таких гениев «матерной словесности», каким, несомненно, был мой земляк Володька Н. Но ведь это Володька! Это высокохудожественный мат отчаявшегося найти свое место в жизни человека, а не примитивное вяканье ленивых литераторов, артистов и некоторых огрубевших, видимо, с тоски по нарам, думских функционеров, которые, занимая лидирующие позиции в обществе, навязывают свои мнения нашему доброму, но чуткому ко всякой фальши народу. Они своей активной деятельностью мало того, что засоряют русскую речь примитивным недоматом, но творят куда большее зло, порождая понятийно-смысловой хаос в русском языке, о чем мне любезно поведала пятилетняя соседка по подъезду.

Самое матерное слово

Она играла с ровесниками под своим окном. Дети стояли в кружок. Мальчик в центре крикнул: «Дерево!» и бросил мяч соседке. Та бойко ответила: «Береза» и вернула мяч. Затем мальчик крикнул: «Машина!» и кинул мяч другому мальчику. «Мерс», - был деловой ответ. В третий раз из центра детского круга раздался хитроватый голос:

«Самое матерное слово!» и мяч полетел к моей соседушке. Та смутилась, потупила ясны очи и, не желая проигрывать, тихо молвила, чтобы взрослые не услышали: «Любовь!» – и тут же отправила мяч по назначению.

Представляете, какой мощный сдвиг по фазе наметился у русскоязычного человечества, какие богатые перспективы появятся в нашей литературе и в нашей жизни, когда волеются в нее потоки новых гениев, подобных моей соседке-крохе! Они не будут бояться материться на каждом шагу. Они будут смело выходить к доске или на сцену, или на трибуну и декламировать что-нибудь из самого матерного, скажем: «Я вас любил, любовь еще, быть может...» Какая жизнь-то прекрасная настанет, честное слово!

Деловое предложение

Если, конечно же, наметившийся сдвиг по фазе не перевернет вверх дном весь русский язык, понятийно-смысловое значение каждого слова, в том числе и того, которым так блистательно владел Володька Н., урка, сын урки, и к которому тянутся разные люди, не понимая, что сам по себе мат-перемат это всего лишь сочленение грязных безжизненных звуков, что оживить их могут только исключительно одаренные люди. Их осталось на русской земле не так уж много. Но они еще есть. И, если кому-то захочется пройти курс повышения квалификации в столь важном и сложном деле, то я могу организовать любому достойному это мероприятие. Естественно, за приличное вознаграждение, потому что предлагаю я не какую-нибудь иностранную дыру, а Русское Золотое Кольцо, где за двадцать дней можно такое услышать, что все, сказанное мной о матерной словесности, материализуется, а моя боль за великий и могучий русский язык, в том числе и матерный, станет понятной хотя бы тем, кто примет мое предложение.

Существует и более короткий вариант этой «командировки». Я предлагаю достойным людям двухдневную экскурсию в ближайшее Подмосковье, за какой-нибудь доминошный стол. Денег на это мероприятие потребуется не так много. Пару бутылок обыкновенной «Столичной» в день, три-четыре пачки сигарет, не шибко иностранных, тоже в день, две-три «кильки в томате». Черный хлеб покупать не обязательно. Он в подмосковных поселках вкуснее. Как и положено. Такие доминошные столы еще не перевелись. Я лично знаю два-три – этого вполне достаточно.

Повторяю, и тот и другой вариант принесет пользу только достойному человеку,

способному а) не матюгаться в приличном обществе, то есть в кругу простых людей, б) больше слушать, чем говорить, в) сильно не напиваться на радостях.

А радость будет большой. И польза –тоже. Особенно для тех, кто имеет возможность материться прилюдно, но делать этого не умеет.

Неподдающиеся

Разговор о матерной словесности будет не полным, если не вспомнить тех россиян, которые не воспринимают эти грязные слова вообще, боятся их, отторгают, совсем не матерятся. И, поверьте, дело здесь не в моей жене, которая двадцать девять лет меня перевоспитывает и уже почти добилась своего. Дело здесь в людях, которых среди нас не мало, хотя они и не составляют большинство.

Ах, какие это дивные люди, как радостно общаться с ними! Только не подумайте, что я говорю о так называемых русских интеллигентах, хотя и среди них есть подобные «одуванчики», робеющие душой от любого резкого инородного звука. Это было бы слишком просто: интеллигенты – не матершинники, а люди попроще – матершинники.

Но в том-то все и дело, что данная формула не работает, что лично я встречал на своем жизненном пути этих «одуванчиков» в самых разных слоях общества. В самых разных. Бригадир сибирского спецселемхоза, московский водитель, подмосковный чиновник-архитектор, мои двоюродные братья (легкоатлет, математик, офицер, предприниматель...), несколько бизнесменов, профессор психологии, механизатор из нижегородской глубинки, пенсионер стеклодувного заводика во Владимирской области, и еще я знаю лично 15 – 20 человек, которые мат не приемлют в любом исполнении в любой компании.

Какие упрямые люди! Им «классики» русской словесности и другие видные люди открыто говорят, видимо, добра желая: «Материтесь себе на здоровье, ничего в этом

зазорного и стыдливого нет!» А они стыдятся. И не считаться с ними нельзя, потому что это – наши люди, соотечественники. Живется им очень трудно сейчас, когда пешеходная молодежь почти вся изматюгалась, когда словесная грязь, повторюсь, наваливается на них, молча робеющих... Я далек от законодательных амбиций, но как-то нужно обустроить житие этого социального меньшинства. Люди-то они в целом хорошие. Во всяком случае, гораздо лучше других разных меньшинств, обласканных и обществом, и государством.

{jcomments on}